

Д. Н. Хмара

**«Произведение места»: культурное пространство усадьбы Гумнищи
(по произведениям К. Бальмонта)**

На основе анализа произведений К. Д. Бальмонта выявлена структура и взаимосвязь элементов усадебного мира, обоснован «гений места» имения. Основными составляющими культурного пространства усадьбы Гумнищи определены высокодуховная атмосфера дома, созданная родителями будущего поэта; взаимоотношения, основанные на любви и бережном отношении друг к другу; восприятие усадебного дома как «цельного самозамкнутого царства». Выявлено расширение усадебного дома поэтом до образа мироздания; обоснован генезис основных доминант поэтического восприятия К. Д. Бальмонта, инспирированных атмосферой и ситуацией детства поэта в период его жизни с семьей в родовом имении.

Ключевые слова: усадебная культура, культурное пространство усадьбы, «гений места», конституирование, сознание, Гумнищи, К. Д. Бальмонт.

D. N. Khmara

«Work of the Place»: Cultural Space of the Estate Gumnishchi (on K. Balmont's works)

On the basis of the analysis of K. D. Balmont's works the structure and interrelation of elements of the farmstead world are revealed, «the genius of the place» of the manor is proved. The main components of cultural space of the estate Gumnishchi are determined as the high-spiritual atmosphere of the house created by parents of the future poet; the relationship based on love and careful attitude to each other; perception of the farmstead house as «the integral self-closed kingdom». Expansion of the farmstead house by the poet till the image of the universe is revealed; here is proved the genesis of main dominant ideas of K. D. Balmont's poetic perception, inspired by the atmosphere and the situation of the poet's childhood in the period of his life with the family in the entail property.

Keywords: farmstead culture, cultural space of the estate, «genius of the place», institutionalization, consciousness, Gumnishchi, K. D. Balmont.

В поисках сокровенных пространств «гения места» важно выявить их взаимосвязи – взаимосвязи самого гения и места, где он рос. «Тут ценна любая биографическая фактура», но стоит все же отдать предпочтение собственно произведениям творца, в которых отразился, вообразился, преобразился мир дорогого творцу места [16] – родительской усадьбы.

Чтение книг, слушание музыки, работы и игры в саду – условия для «светлого и радостного детства» создали Дмитрий Константинович и Вера Николаевна Бальмонт своим сыновьям, один из которых стал всемирно известным поэтом. В его творчестве можно проследить процесс смыслового конструирования культурного пространства родительской усадьбы Гумнищи.

Некоторые исследователи считают спорным вопрос об автобиографичности произведений К. Бальмонта. Однако его современники отмечали, что «очарование лучших стихотворений Бальмонта состояло в том, что это были – «куски жизни» [14], и «никогда он ничего не придумывал, ни в прозе, ни в стихах. ...Писал только о

пережитом, виденном» [2, с. 18–19]. Сам К. Бальмонт признавался читателю: «Если я что-нибудь утверждаю, я вижу в душе свое утверждение четко» [3, с. 365]. Поэтому в анализе аспектов конституирования культурного пространства усадьбы будем исходить из того, что «региональные начала выступают в контексте всего творчества художника не только в качестве одного из истоков, но и своего рода документом, знаком действительно бывшего» [22, с. 106].

В знакомстве с усадебным пространством складывается субъективная системность мировидения. Усадьба позиционируется как цельный неразрывный мир.

Родители сумели создать в доме высокодуховную атмосферу: здесь среди «причудливых растений» слушают музыку и читают стихи; взаимоотношения основаны на любви и бережном отношении друг к другу: «...в светлых комнатах улыбается только ласка»... Усадебный дом воспринимается как «цельное самозамкнутое царство, где правильный устав ежедневной жизни доставляет множество маленьких радостей» [10,

с. 175]. И в саду мальчик чувствовал, «как красив и ласков мир, как все в нем слито в одно связанное празднество»; сад «был единой неразрывностью», где «ящерица, паук, ...кустики дикой рябины, и Солнце на небе, ...и он сам – все это – живое, и все это одно». В культурном пространстве усадьбы возникло детское ощущение «первого внутреннего просвета сознания мира и себя в мире». Интенциональное переживание согласуется с «Я-центром», внутренней картиной мира: «Необманывающее я, лучезарно изъяснившее мне мир и меня самого, проснулось во мне в яркий летний день в моей родной усадьбе, где я навсегда научился любить Солнце и зеленые просторы Природы» [3, с. 365].

Мальчик жил «душой среди шелестящих деревьев и шелестящих страниц» [7, с. 344]. Чтение – важная составляющая культурного пространства усадьбы Гумнищи. Знакомство с книгами воспроизводится в сознании как «чарование мелькающих буковок, умеющих рассказывать детской душе так много нового и завлекательно» [10, с. 191]. Уже в 5 лет он читал по-русски и по-французски. Стихи Пушкина воспринимал так же, как очарование сада, леса, луга [18, с. 16]. Меньше других детей играл, «а больше сидел в своей комнатке за книжкой» [4, с. 338]. Став постарше, он прочитал всю домашнюю библиотеку, в которой были «поэты, сказки, романы, но и книги по естествознанию также, и книги мудрости» [10, с. 284].

Так в культурном пространстве усадьбы начался путь «поэта-книголюбца» – чтение «почти без разбора множества книг», «эстетическое бродяжничество» молодого Бальмонта, «порывистого, но проделавшего всю трудность библиотечной сосредоточенности» [1]. Своего рода изоляция и одновременно самодостаточность духовной жизни в усадьбе выступила в качестве культурно значимой возможности проявления личностных начал и ценностей. Когда он во Франции, в Испании, в Голландии, в Англии, в Италии «предавался изучению искусства и целого ряда наук, он закрепил на всю жизнь то, что было начато в тихой деревеньке пятилетним ребенком» [10, с. 418].

«Чарованье» букв привело к чарованию звуками и стихами. Пассивный исходный материал (чувственность, созерцательность, восприятие) перерабатывается активностью «Я», что приводит к конституированию личности – творению самого себя в усадебном пространстве как личности и как поэта. Культурное пространство уса-

дебного мира определило многообразие бальмонтовского художественного мира. Поиск К. Д. Бальмонтом своего пути в творчестве можно рассматривать как результат конституирующей деятельности трансцендентального сознания, стремящегося вернуться к первоисточникам познания, которые впервые были осознаны поэтом в усадьбе.

Усадебный мир отвечал склонности мальчика к наблюдательности, поэтическому восприятию жизни, способствовал постепенному развитию видения мира, которое определено феноменологическим подходом как «поток следующих друг за другом ... актов: чувственное восприятие, воображение, умозрение...» [15, с. 163]. «Созерцание природы и всего, что в ней, ... было цельной радостью, без введения в эту радость человеческих соображений и чувств» [10, с. 212–213]. Но путем эмоционального сопереживания на основе идентификации возникает внутренняя ассоциативная связь. Когда мальчик смотрел на игру огня в печи, он «весь перевоплощался» в ту или иную «пляшущую цветовую фигуру» [7, с. 349]. Он видел у каждого цветка «свое личико, улыбку свою, привет, взгляд», знал, что «у каждого цветка есть своя сказка, она слышится, когда долго и молча глядишь на цветок» [4, с. 340–341]. С субъектом не может произойти ничего, «набросок чего он не несет в себе самом» [20, с. 15]. Этико-эстетическая ценность созерцаемого приводит к перевоплощению: «...мы делаемся похожими на то, на что мы смотрим!» [5, с. 520].

Так сущность поэтического восприятия постигалась в созерцании: «Лучшими учителями в поэзии были усадьба, сад, лес, ручьи, болотные озерки, шелест листьев, бабочки, птицы и зори» [9]. Здесь солярный первоисток: «первые зарницы постигания, ... что солнце владеет всем». Здесь он здоровался с «солнечным благовонным воздухом», любовался солнечным светом, «рассыпанным» в цветах акации и в пенье канарейки, дружил с ящерицами – «солнечными стрелками», «засматривал в солнечно-желтые чашечки бубенчиков»... И первые стихи «возникли в яркий солнечный день... в родной усадьбе Гумнищи»... [10, с. 414]. А зимой «в усадьбе все окна ... были в ледяных узорах, так что дивно было глядеть на них в лунный вечер» [10, с. 377]. Мальчик помнил потом ледяные узоры в лунном свете, помнил «хорал молчания», «музыку безмолвия и световых внушений», когда «луна воздушно пролила свои утишающие чарования»... Огонь в печи родительского дома «являл» ребенку «беско-

нечность мгновенных ликов, неисчерпаемость... оттенков» [7, с. 349].

Так уже ощущалось многогласие стихий, так в усадебном пространстве мальчик постигал «мудрый закон творчества», на который позднее «указал» ему писатель В. Г. Короленко: «Надо довериться бессознательной области души, которая незаметно накапливает свои наблюдения и сопоставления, а потом внезапно все это расцветает, как внезапно расцветает цветок после долгой невидной поры накопления своих сил» [8, с. 416].

Как согласно было это «золотое правило» мировидению юноши, подготовленному усадебным опытом наблюдений и предварительного чтения к осознанию сущности феномена творчества!

Впоследствии сам он объяснял молодым поэтам, что «творит поэт, как растет и расцветает... цветок», что «все входит в его душу, как солнце, влага и воздух входят в растение» [6], а «для того чтобы чаровать, корнями надо быть в темных глубинах внесознательного» [11], и «в творчестве подземное должно / Вращать, вращать, вращать веретено» [12, с. 53]. Наблюдения учили его «науке свирельной»: «у ветра в камышах учился он свирели», брал «золото у солнечных лучей»... [12, с. 77]. В родных местах, «...в болотных затонах шуршат камыши, сделавшие его своим шелестом, своим вещим шепотом тем поэтом, которым он стал» [13]. В родных местах «музыка играющего инструмента и музыка певучего слова, где отдельные звуки совпадали музыкальностью, казалась волшебством». Музыка реализуется в его поэзии как ритм, мелодика стихотворной речи [18, с. 215]. Смысл стал интерпретироваться посредством знаков, символов: «Он возлюбил аллитерации и вообще музыкальность самого словоупотребления» [1]. И когда символистская специфика формирования и актуализации художественных смыслов становится доминирующей, исчезает определенность мира реального, мир воспринимается как феномен: «Мир есть всегласная музыка. Весь мир есть изваянный стих».

Если в детстве мальчик чувствовал на уровне подсознательного, как им «завладела художественная основа мироздания, ...и сад был первым учителем» [10, с. 192], то, став поэтом-эрудитом, Бальмонт конституировал сад родной усадьбы как картину мира. По словам Д. С. Лихачева, сад «следует читать как книгу, извлекая из него пользу и наставления» [19]. К. Бальмонт и читал, и воспевал сад как отражение мира – Универсума возможных смыслов. Сад

есть отражение мира не только потому, что в детстве в нем даже сирень с жужжаньем насекомых «есть целый мир». Сад – это «дружный лад / Сплетений, пеней, красок, очертаний» [12, с. 31]. А «весь мир есть соответствие, строй, лад, основанные на двойственности, то растекающейся на бесконечность голосов и красок, ...то сливающейся в симфонию одного я» [11]. «Многоцветный сад», созданный матерью, озарил его счастьем на всю жизнь: «Счастлив тот, кто в детстве видел сад!» [10, с. 281]. К. Бальмонт «ничего не потерял из воспринятого наследства» – из того, что дало культурное пространство усадьбы, созданное родителями, где «еще до его рождения мать жадной стихов ...уже написала ...много стихов певучих в том малом существе, которое слухом и сущностью матери уже прильнуло к груди Вселенной» [10, с. 189], где «отцовская и материнская ласка стали первыми светильниками, такими же завладевающими и прекрасными, как Солнце и Луна в голубом небе» [10, с. 192].

«Стежки, тропы, пути когда-то никому неизвестного К. Бальмонта в большую литературу начались ...в родном гнезде. Он заговорил об этом раньше критиков и ученых» [22, с. 106] в своем творчестве, воссоздавая мир усадьбы в себе, из себя, для себя.

Творчество К. Бальмонта можно рассматривать как «развивающийся текст» [24, с. 5]. Сфера реальности выступает в виде пространства-текста, имеющего определенный символический код: усадьба – сад – Родина – поэзия. *Мир усадебного пространства воспринимается сначала как предмет постижения, в результате созерцания происходит его творческое переосмысление, складывается картина мира. «Гений ...является “произведением места”» [16]: происходит становление и осознание себя в пространстве усадьбы как личности и как поэта. Наконец, культурное пространство усадьбы выступает как продукт творчества К. Бальмонта.*

В культурном пространстве усадьбы наметились «контуры всеохватного бальмонтовского мировидения» [21, с. 42]; здесь букварь «ввел его еще ребенком в бесконечные лабиринты человеческой мысли» [11], книги научили «жажде путешествий»; здесь таятся истоки магии поэтического слова – истоки солнечных гимнов и многогласия стихий, «первооснова той поэтической пряжи, которую через десятки лет он сплел мастерской рукой» [10, с. 217].

Поэт конституирует сущностно связанное

синтетическое многообразие данностей усадебного пространства как «великую созвездную цепь» [10, с. 265]. Отсюда – один из постулатов мировидения К. Бальмонта: *основу мира составляет единство*.

В его творчестве приобретает особую значимость «идентичность конкретного места, обладающего структурой и смыслом, и отношения человека к этому месту, которое выражается в чувственном восприятии духовной сути постигаемых феноменов» [18, с. 7]. При конституировании усадебного пространства творец выявляет в обыденном гармонию и красоту: поэтизирует даже бездорожье – «топи за усадьбой», где отец, земский деятель, с трудом строил дорогу по непроходимым оврагам. Для мальчика это «бочаги, овальные природные прудки. Около них бледно-голубые незабудки и золотые бубенчики, со свежим нежным дыханием и по виду своему напоминающие солнышки, составляли одну из любимых усадьбы ребенка» [10, с. 214–215]. Когда к 100-летию поэта в Гумнищи из Москвы приезжала его дочь, Нина Константиновна Бальмонт, она бродила «до устали» в заросшем усадебном парке, где «цветут незабудки», а «золотые бубенчики делают самое приближение к ним торжествующим праздником» [22, с. 173], и восторженно восклицала: «Я понимаю, почему так... Я многое поняла...» [22, с. 173].

Библиографический список

1. Аничков, Е. В. Бальмонт // Русская литература XX века / под ред. проф. С. А. Венгерова. Т. I [Электронный ресурс] / Е. В. Аничков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/anichkow_e_w/text_0040.shtml
2. Бальмонт, Е. А. Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте: К 120-летию со дня рождения К. Д. Бальмонта [Текст] / Е. А. Бальмонт; публ. и вступ. ст. П. В. Куприяновского // Литературная Россия. – 1987. – 12 июня. – С. 18–19.
3. Бальмонт, К. Д. Белая невеста [Текст] / К. Д. Бальмонт // Под новым серпом. Избранные стихотворения и проза; составитель Л. Н. Таганов. – Иваново: Талка, 2007.
4. Бальмонт, К. Д. Васенька [Текст] / К. Д. Бальмонт // Под новым серпом. Избранные стихотворения и проза; сост. Л. Н. Таганов. – Иваново: Талка, 2007.
5. Бальмонт, К. Д. Избранное [Текст] / К. Д. Бальмонт. – М.: Правда, 1990.
6. Бальмонт, К. Д. К молодым поэтам [Электронный ресурс] / К. Д. Бальмонт. – Режим доступа: <http://poezosfera.ru/kd-balmont-k-molodym-poetam.html>
7. Бальмонт, К. Д. На волчьей шубе [Текст] / К. Д. Бальмонт // Под новым серпом. Избранные стихотворения и проза; сост. Л. Н. Таганов. – Иваново: Талка, 2007.
8. Бальмонт, К. Д. На заре [Текст] / К. Д. Бальмонт // Под новым серпом. Избранные стихотворения и проза; сост. Л. Н. Таганов. – Иваново: Талка, 2007.
9. Бальмонт, К. Д. О поэзии Фета [Электронный ресурс] / К. Д. Бальмонт. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_1934_o_poezii_feta.s.html
10. Бальмонт, К. Д. Под новым серпом [Текст] / К. Д. Бальмонт // Под новым серпом. Избранные стихотворения и проза; сост. Л. Н. Таганов. – Иваново: Талка, 2007.
11. Бальмонт, К. Д. Поэзия как волшебство [Электронный ресурс] / К. Д. Бальмонт // Стозвучные песни: Сочинения (избранные стихи и проза) Ярославль: Верхнее-Волжское кн. изд. 1990. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_0360.shtml
12. Бальмонт, К. Д. Стихотворения [Текст] / К. Д. Бальмонт. – М.: Звонница-МГ, 2014.
13. Бальмонт, К. Д. Чужбина [Электронный ресурс] / К. Д. Бальмонт // Из несобранного. – Режим доступа: <http://xwap.me/books/20231/iznesobrannogo.html?p=41>
14. Брюсов, В. Я. Будем как солнце! [Электронный ресурс] / В. Я. Брюсов // Статьи и рецензии. Далекие и близкие. – Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/bryusov-ss07-06/bryusov-ss07-06.html#work003009>
15. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию [Текст] / Э. Гуссерль. – СПб.: Алетейя, 2004.
16. Замятин, Д. Н. Гений и место: в поисках сокровенных пространств [Электронный ресурс] / Д. Н. Замятин. – Режим доступа: <http://domgogolya.ru/science/researches/1372/>
17. Казначеева, Т. А. Понятийный статус концепта «Genius loci» и его функции в тексте культуры города Мюнхен [Текст]: автореферат дис. ... канд. Культурологии: 24.00.01: защищена 2010 / Казначеева Татьяна Александровна. – Кострома, 2009.
18. Куприяновский, П. В., Молчанова, Н. А. Бальмонт [Текст] / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – М.: Молодая гвардия, 2014.
19. Лихачев, Д. С. «Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей» [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/5064/>
20. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия [Текст] / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, 1999.
21. Океанский, В. П., Океанская, Ж. Л. Художественный мир Бальмонта: поэтическая метафизика ноктюрна [Текст] / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская. – Шуя, 2013.

22. Розанова, Л. А. Шуйские родники [Текст] / Л. А. Розанова. – Шуя : Изд-во «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ», 2007.

23. Серопян, А. С. Бальмонт-дитя Достоевской эпохи [Электронный ресурс] / А. С. Серопян // Научный журнал КубГАУ, № 80(06), 2012 г., с. 5. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/balmont-ditya-dostoevskoy-epohi>

Bibligraficheskij spisok

1. Anichkov, E. V. Bal'mont // Russkaja literatura XX veka / pod red. prof. S. A. Vengerova. T. 1 [Jelektronnyj resurs] / E. V. Anichkov. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/a/anichkov_e_w/text_0040.shtml

2. Bal'mont, E. A. Moi vospominanija o K. D. Bal'monte: K 120-letiju so dnja rozhdenija K. D. Bal'monta [Tekst] / E. A. Bal'mont ; publ. i vstup. st. P. V. Kuprijanovskogo // Literaturnaja Rossija. – 1987. – 12 ijunja. – S. 18–19.

3. Bal'mont, K. D. Belaja nevesta [Tekst] / K. D. Bal'mont // Pod novym serpom. Izbrannye stihotvorenija i proza ; sostavitel' L. N. Taganov. – Ivanovo : Talka, 2007.

4. Bal'mont, K. D. Vasen'ka [Tekst] / K. D. Bal'mont // Pod novym serpom. Izbrannye stihotvorenija i proza ; sost. L. N. Taganov. – Ivanovo : Talka, 2007.

5. Bal'mont, K. D. Izbrannoe [Tekst] / K. D. Bal'mont. – M. : Pravda, 1990.

6. Bal'mont, K. D. K molodym pojetam [Jelektronnyj resurs] / K. D. Bal'mont. – Rezhim dostupa: <http://poezosfera.ru/kd-balmont-k-molodym-poetam.html>

7. Bal'mont, K. D. Na volch'ej shube [Tekst] / K. D. Bal'mont // Pod novym serpom. Izbrannye stihotvorenija i proza ; sost. L. N. Taganov. – Ivanovo : Talka, 2007.

8. Bal'mont, K. D. Na zare [Tekst] / K. D. Bal'mont // Pod novym serpom. Izbrannye stihotvorenija i proza ; sost. L. N. Taganov. – Ivanovo : Talka, 2007.

9. Bal'mont, K. D. O poezii Feta [Jelektronnyj resurs] / K. D. Bal'mont. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_1934_o_poezii_feta.shtml

10. Bal'mont, K. D. Pod novym serpom [Tekst] / K. D. Bal'mont // Pod novym serpom. Izbrannye stihotvorenija i proza ; sost. L. N. Taganov. – Ivanovo : Talka, 2007.

11. Bal'mont, K. D. Pojezija kak volshebstvo [Jelektronnyj resurs] / K. D. Bal'mont // Stozvuchnye pesni:

Sochinenija (izbrannye stihy i proza) Jaroslavl' : Verhnee-Volzhsкое kn. izd. 1990. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_0360.shtml

12. Bal'mont, K. D. Stihotvorenija [Tekst] / K. D. Bal'mont. – M. : Zvonnica-MG, 2014.

13. Bal'mont, K. D. Chuzhbina [Jelektronnyj resurs] / K. D. Bal'mont // Iz nesobrannogo. – Rezhim dostupa: <http://xwap.me/books/20231/Iz-nesobrannogo.html?p=41>

14. Brjusov, V. Ja. Budem kak solnce! [Jelektronnyj resurs] / V. Ja. Brjusov // Stat'i i recenzii. Dalekie i blizkie. – Rezhim dostupa: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/bryusov-ss07-06/bryusov-ss07-06.html#work003009>

15. Gusserl', Je. Krizis evropejskih nauk i transcendentalnaja fenomenologija. Vvedenie v fenomenologicheskoju filosofiju [Tekst] / Je. Gusserl'. – SPb. : Aledeja, 2004.

16. Zamjatin, D. N. Genij i mesto: v poiskah sokrovennyh prostranstv [Jelektronnyj resurs] / D. N. Zamjatin. – Rezhim dostupa: <http://domgogolya.ru/science/researches/1372/>

17. Kaznacheeva, T. A. Ponjatijnyj status koncepta «Genius loci» i ego funkcii v tekste kul'tury goroda Mjunhen [Tekst] : avtoreferat dis. ... kand. Kul'turologii : 24.00.01 : zashishhena 2010 / Kaznacheeva Tat'jana Aleksandrovna. – Kostroma, 2009.

18. Kuprijanovskij, P. V., Molchanova, N. A. Bal'mont [Tekst] / P. V. Kuprijanovskij, N. A. Molchanova. – M. : Molodaja gvardija, 2014.

19. Lihachev, D. S. «Pojezija sadov: K semantike sadovo-parkovyh stilej» [Jelektronnyj resurs] / D. S. Lihachev. – Rezhim dostupa: <http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/5064/>

20. Merlo-Ponti, M. Fenomenologija vosprijatija [Tekst] / M. Merlo-Ponti. – SPb. : Juventa, 1999.

21. Okeanskij, V. P., Okeanskaja, Zh. L. Hudozhestvennyj mir Bal'monta: pojeticheskaja metafizika noktjurna [Tekst] / V. P. Okeanskij, Zh. L. Okeanskaja. – Shuja, 2013.

22. Rozanova, L. A. Shujskie rodniki [Tekst] / L. A. Rozanova. – Shuja : Izd-vo «Vest'» GOU VPO «ShGPU», 2007.

23. Seropjan, A. S. Bal'mont-ditja Достоевской jepohi [Jelektronnyj resurs] / A. S. Seropjan // Nauchnyj zhurnal KubGAU, № 80(06), 2012 г., с. 5. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/balmont-ditya-dostoevskoy-epohi>